

Н.В. Шведова (Москва, Россия)

Воспоминания поэта-словакиста

N.V. Shvedova (Moscow, Russia)

Memoirs of a Poet, Who Studied Slovak Literature

У меня сохранились самые теплые, душевные воспоминания о Раисе Романовне Кузнецовой, хотя тесный контакт у нас с ней был в течение 1983–1987 гг., во время моей очной аспирантуры на кафедре славянской филологии. До этого Раиса Романовна читала у нас спецкурс по современному роману Чехословакии. Я хоть и была отличницей, но воспринимала и чисто житейские детали: мне запомнился аромат хороших духов, очевидно французских, очень подходящих утонченно-строгому облику преподавательницы.

Я, видимо, была единственной аспиранткой-словакисткой у Раисы Романовны: даже Алла Германовна Машкова защищала кандидатскую по чешской литературе. Последняя была и научным руководителем моей дипломной работы, а Раиса Романовна – рецензентом. Работа отчасти была написана в Словакии, под руководством профессора Яна Штевчека, о котором я также храню прекрасные воспоминания. Распределения у меня не было, сразу предполагалась аспирантура. И в качестве научного руководителя должна была выступить профессор Кузнецова.

«Притирка» к новому руководителю шла трудно. И всё, как мне видится теперь, из-за неудачно сформулированной (кем?) темы диссертации: «Творчество Мирослава Валека и словацкая поэзия 70-х годов». Валеком я занималась и раньше, была влюблена в его поэзию, пробовала переводить. Однако под таким углом зрения работа у меня не продвигалась. Не буду долго распространяться о словацкой поэзии 1970-х гг., но Валек, как признают и его недоброжелатели, был интересен прежде всего своей поэзией предыдущего десятилетия. О его лирических циклах 70-х недавно писал мой коллега Ян Замбор как о несправедливо забытых (только не мной!). Вскоре у меня прибавились серьезные проблемы со здоровьем, и 27 мая 1985 г. я ушла в академический отпуск на втором году обучения. Текста диссертации еще не было.

Я продолжала работать в библиотеках, хотя сил у меня хватало на час сидения в читальном зале. Параллельно думала о своем нерадостном будущем: никакого места работы не предвиделось. Моя подруга (с тех лет и навсегда), Ирина Герчикова, тоже училась в аспирантуре у Кузнецовой (тема – чешская фантастика) и одновременно подрабатывала в отделе аспирантуры. Место для аспирантки подхо-

дующее, но для кандидата наук непрестижное. У меня не было и такого. Подобная обстановка не способствовала выздоровлению. И весной 1986 г. пришло решение не восстанавливаться в аспирантуре, то есть уйти из нее. В никуда. Раиса Романовна уже присматривала для меня временное место работы, но мои слова в марте 1986 г. об уходе из аспирантуры восприняла, конечно, болезненно. «Наташа, это ваше право, – сказала она, – но, может быть, вам изменить тему?» – И я, не совсем понимая пророческий смысл своих слов, произнесла: «Вы меня воскрешаете».

В стихах о своем жизненном пути я через много лет написала: «Две женщины спасли меня, признаться». Вторая женщина – это моя мама, далекая от филологии, кандидат химических наук, Светлана Николаевна Шведова. У нее случилась аналогичная история в аспирантуре Института органической химии АН СССР, еще до моего рождения. Мама была моим добрым ангелом на протяжении всей жизни, даже в период тяжелой болезни в 1990–2000-х гг. Она, в отличие от папы, тоже химика, не возражала против филологического образования, была всегда готова помочь, насколько могла. И в мои трудные годы она рассказывала, как у нее в аспирантуре случился нервный срыв, потому что не шла диссертация, – у нее, отличницы! Но в химии бывает, что искомое соединение нельзя получить в силу неизвестных еще законов природы. В филологии, казалось бы, такого быть не должно. Я почти повторила ее путь. Мама просто перешла на работу младшим научным сотрудником в ИОХе, тему диссертации изменили, и мама вскоре защитилась. Из своей дыры она выбиралась самостоятельно, но у нее был железный, дедушкин, характер. Я же скиталась по врачам и больницам (из одной мама меня вытащила своей железной рукой), чувствовала себя не просто опустошенной – мертвой. И тут, на сломе, Раиса Романовна предлагает изменить тему.

Я смутно помню обычную маленькую аудиторию на филфаке, мы сидим друг напротив друга и сочиняем мне новую тему. Раиса Романовна предлагала что-то о методе, но я ухватилась за лирического героя. Так возникла тема «Творчество Мирослава Валека. К проблеме лирического героя». Я еще не успела восстановиться в аспирантуре по документам, но уже работала по новой теме. К осени были написаны первые разделы работы. Контакт установился сразу. Предстояло еще утвердить новую формулировку темы на кафедре и на Ученом совете. Я помню, как осенью 1986 г. это происходило на кафедре, всё шло негладко, Раиса Романовна убежденно меня отстаивала, а я только тихо плакала. Ей возражала в основном Елена Захаровна Цыбенко, постоянный ее оппонент на кафедре. Я запомнила фразу, сказанную Раисой Романовной: «Наташа идет вглубь». Изменение темы всё же утвердили, и в мае 1987 г. диссертация была готова к обсуждению, каковое и состоялось 1 июня. Помимо Аллы Германовны Машковой, Раиса Романовна привлекла в качестве рецензента русиста, Владислава Алексеевича Зайцева, специалиста по современной русской поэзии. Я его побаивалась, но он высоко оценил работу и даже сказал, что я открыла ему нового поэта.

Защиту, в силу большой очереди, в результате назначили в декабре. Передо мной защищалась Ира Герчикова, а богемистов (не говоря уже о словакистах) в научном мире было не так много. Институт мировой литературы для меня уже отпадал, он (т.е. И.А. Бернштейн) писал внешний отзыв Ире, из Института славяноведения у нее был оппонент-доктор, Сергей Васильевич Никольский, в частности знаток творчества Карела Чапека. Мне осталась специалист по чешской поэзии, Людмила Норайровна Будагова, которую я сама предложила Раисе Романовне и которая впоследствии стала моей начальницей в Инславе. Внешней организацией

у меня был Киевский университет, а именно Владимир Житник. Моя мама втайне от меня купила билеты и заказала гостиницу в Киеве, чтобы собственноручно отдать моему оппоненту текст диссертации. На такое была способна, наверное, только моя мама, недавно вышедшая на пенсию. Еще один экземпляр работы уехал (сам) в г. Черновцы на Украине, где Раиса Романовна нашла мне оппонента-доктора, Анатолия Романовича Волкова. Он приехал в Москву в день моей защиты, 25 декабря, а все свои замечания высказал мне по телефону.

Руководителем Раиса Романовна была превосходным: она не давила, а подсказывала, направляла меня. В частности, подсказала параллель с Иржи Волькером. Никакого Интернета тогда не было, всё писалось вчерне на бумаге, и отзывы научного руководителя тоже были рукописными. Напечатан мною на машинке был уже текст самой диссертации, а также автореферат, который распечатывали в Издательстве МГУ не без приключений. Для латинского алфавита Раиса Романовна отдала мне свою старинную машинку с чешским шрифтом, в которой даже перемотка ленты осуществлялась вручную и которую Кузнецовой подарила, если не ошибаюсь, Мария Майерова. Я очень боялась ее сломать, и когда ее заело, я была в ужасе: во-первых, сломала историческую машинку, во-вторых, мне еще надо как-то напечатать библиографию. Потом оказалось, что дело в этой ручной перемотке. Сейчас русский шрифт сменить на латинский можно двумя кнопками (как делаю я) или одним кликом мыши. Машинку я не сломала и торжественно вернула владелице. Раиса Романовна одобрила и мои поэтические переводы, использованные в диссертации. Я имела обыкновение в те годы печатать, опять же на машинке, свои собственные стихи и дарить близким мне людям, в числе которых была и Раиса Романовна. Она, не спрашивая меня, договорилась об их публикации в журнале «Наш современник». Я едва убедилась по телефону, что публиковаться не хочу. Мой печатный дебют состоялся уже в 1999 г., так что Раиса Романовна успела получить эти книжки.

Места работы всё еще не предполагалось, но Раиса Романовна направила меня в ИМЛИ, где со мной, в частности, контактировал Святослав Бэлза, признавшийся мне: «Я уже давно не словакист». В этот институт меня в результате не взяли, всё кормили обещаниями, даже тогда, когда я уже работала в Инславе. В состав Диссертационного совета по моей специальности (которой сейчас уже нет – 10.01.04) входили сотрудники Инслава. Еще до защиты Раиса Романовна отправила меня в Инслав, на консультацию к члену Совета Виталию Ивановичу Злыдневу, который тогда возглавлял Сектор культуры. Поговорили и разошлись, а через день после защиты мне позвонил Злыднев и сказал, что берет меня на работу. К 1990 г. я плавно перетекла к литературоведам, под начало Л.Н. Будаговой, где и работала до выхода на пенсию.

Раиса Романовна пришла на мою защиту в блузке персикового цвета с коричневым бантиком вместо галстука. Я, несмотря на обычное для диссертантов волнение, не удержалась: «Раиса Романовна, какой же вы были в молодости?» – Она опустила глаза и сказала: «Такой же, как вы». Я же запомнила ее уже немолодой, но всегда подтянутой, стройной, изящно одетой, с прической, звучным молодым голосом, пытливыми голубыми глазами. Мы перезванивались и общались и после моей защиты. Я была на 80-летию Раисы Романовны, на кафедре, так и оставшейся «моей». Через год Кузнецовой не стало.

В феврале 1988 г. я посвятила Раисе Романовне стихотворение, опубликованное впоследствии в моем сборнике стихов «Радуга грусти» (2008).

Растаяла вчерашняя забота.
На этом месте снова будет кто-то.
В тревожную, неласковую даль
уходит сероглазая печаль.
Уходит, никого не забывая.
Уходит – нереальная, живая.
Смывают неглубокие следы
приливы легкой пагубной воды.

Вода – основной символ поэзии Валека, символ женщины, стихии Инь (об этом я тогда не знала, но впоследствии написала доклад об астрологических параллелях у Валека; его тезисы были опубликованы в каком-то факультетском сборнике).

Светлая, красивая память о Раисе Романовне Кузнецовой сохранилась у меня на всю жизнь.

4 мая 2020 г.

Сведения об авторе:

Наталия Шведова,
канд. филол. наук
литературовед, поэт, переводчик
ст. научный сотрудник
Институт славяноведения РАН

Natalia Shvedova,
PhD
literary critic, poet, translator
Senior Researcher
Institute of Slavic Studies RAS